

УДК 93(=11/=8)

Татары: судьба этнонима

Рафаэль Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: В исторической ретроспективе соотношение этноса и этнонима далеко неоднозначно. Прослеживая судьбу этнонима «татары», необходимо иметь в виду, что татарские племена меняли само-название, поскольку постоянно делились или объединялись, входили в союзы с другими народами. При этом новое имя могло приобретаться в зависимости от местности, вождя, наиболее сильного рода и т.д. Татары стали народом с теми чертами, которые дошли до нашего времени, сложились в период Золотой Орды.

Начиная с Петра I разрабатывалась российская историография, представлявшая татар в неблагоприятном свете, хотя сама судьба России как державы непосредственно связана с Золотой Ордой и татарскими ханствами. Золотоордынская цивилизация имела свои черты, которые повлияли на особенности культуры Евразии. К одному из достижений этой цивилизации относится веротерпимость, на чем строился славяно-тюрко-финский симбиоз Евразии. Эта черта определила саму возможность построения Российской империи. Предвзятое отношение к татарам затем сохранилось в СССР, где в частности, было запрещено изучение Золотой Орды и татарских ханств. Российская историография до сих пор не сумела преодолеть стереотипы о татарах.

Татарская нация со своими региональными этнографическими группами складывается вместе с развитием капиталистических отношений. Одновременно с капитализмом в татарском мире начинается реформация под названием «джадидизма» (обновление). Появляется сеть новометодных школ и медресе, собственная печать, газеты, а к началу XX века – политические партии. Татары становятся полноценной нацией вместе с приобретением своей государственности в виде Республики Татарстан и Республики Крым.

Ключевые слова: татары, этноним, этнос, Россия, Татарстан, Крым.

У этнонима «татар» довольно сложная судьба. Изначально это имя носили племена, жившие на севере от Великой китайской стены. В силу их влияния китайцы начали все народы, жившие севернее Китая, называть татарами, а сама территория получила название «Дешт-и-Татар» – «Земля татар». Китайские историки считали, что термин «татар» имеет собирательное значение. Эдвард Паркер, опираясь на китайские хроники, называет татарами хуннов и гуннов, авар, тюрков, сяньбийцев [22, с. 193]. В те времена не существовало этничности или национальности в нашем смысле. Племена легко сходились и расходились, создавали союзы племен, постоянно делились и смешивались. Поэтому татарские племена могли называться по-разному. Например, кимаки, основавшие вместе с кипчаками в X в. самостоятельный Кимакский каганат [13, с. 351] и сыгравшие выдающуюся роль в истории Евразии, представляли одно из многочисленных татарских племен. В то время смена самоназвания происходила проще, чем сегодня.

С чем же связана многозначность татарских племен, что вносит порой путаницу в научные исследования? Множество имен возникает естественным способом в виду размножения населения, которое делится на роды, племена, кланы. Любое отделившееся племя должно чем-то отличаться от родительского и соседних племен, поэтому оно берет себе новое имя. Первобытные роды брали имя тотема, в более позднее время имя могло быть связано с территорией, выдающимся вождем, мощным кланом, а союз племен мог называться по имени наиболее сильного племени и т.д. Сегодня, ссылаясь на источники, мы их можем воспринять как различные народы, хотя они могли быть близкими по культуре и языку и отличаться друг от друга только самоназванием. Более того, когда мы говорим о древних тюряках, подразумеваем некую гомогенность, по крайней мере, по языку. На самом деле, например, Тюркский каганат включал и монголоязычные, и угорские племена. При этом ряд тюркоязычных племен могли и не состоять в каганате.

Некоторые специалисты считают ранних татар монголоязычными, однако Рашид ад-Дин, наиболее авторитетный исто-

рик Средневековья, считал их язык тюркским. Монголы в исторических хрониках упоминаются на несколько веков позже татар. Махмуд Кашгарский, прекрасно осведомленный о тюркских языках, однозначно относил татар к тюркам и «Дешт-и-Татар» располагал между Северным Китаем и Восточным Туркестаном.

«Белыми татарами» назывались кочевники, жившие южнее пустыни Гоби. Большую часть их составляли тюркоязычные онгуы. «Черные татары», в том числе кераиты, жили в степи вдали от культурных центров. Они на ночь огораживались кольцом телег, т.е. создавали курень. «Дикие татары» Южной Сибири промыслили охотой и рыбной ловлей, управлялись старейшинами, у них не было ханов.

Поскольку возникали различные татарские государства (китайские и арабские хроники насчитывают их шесть), то этноним «татар» стал политонимом, это имя распространилось на многие монголо- и тюркоязычные племена. Даже впоследствии, когда Чингизхан прославился на весь мир как монгольский завоеватель, некоторые из историков называли его татаринном, а Монгольскую империю – Татарией. Мунали, наместник Чингизхана в Северном Китае сам себя называл «мы, татары», что соответствовало китайской традиции. Со временем вся Евразия стала отождествляться с «Татарией», что и зафиксировано на средневековых картах.

Этноним «тюрк» сложился вследствие этнического смешения племен на базе общности языка и культуры в конце V в. И.Л. Кызласов пишет: «Тюрками назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов – а именно создатель Первого и Второго Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (уйгуры, басмылы, азы, чики, карлуки и т.д.). Народ *тюрк*, объединивший многие (но далеко не все) тюркоязычные и иные по речи народы в огромную евразийскую империю, этим расширил политическое значение своего имени» [17, с. 36]. По мнению ряда ученых, род Ашина, возглавивший Тюркский каганат, был сяньбийского происхождения. В китайских исторических хрониках «Суйшу» записано: «Предками туцзюэ [тюрков] были смешанные ху [гунны] Пинляна. Их родовое прозвание было ашина. Когда северозыский император Тай У-ди уничтожал Цзюйцзюй [439 г.], Ашина с пятьюстами се-

мей бежал к жужу [жужаням]. Они жили из рода в род у гор Цзиньшань [Алтай] и занимались обработкой железа». Группа племен, возглавляемая Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем в 551–555 гг. нанесла сокрушительный удар Жуаньжуаньскому каганату, что можно считать временем возникновения Тюркского каганата.

В период создания Тюркского каганата татары уже играли существенную роль во взаимоотношениях тюрков с китайской империей. В VIII в. татары упоминаются в источниках как союз племен. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письма – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана, восьмиплеменные татары, семнадцать аз'ских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами» (753 г.). Иначе говоря, татары уже были в составе каганата. Последующая запись уточняет, что Элетмиш Билге-каган (видимо в 742 г.) «опять подчинил и восьмиплеменных татар», а чуть ниже утверждается, что «в год Свиньи (747 г.), трёхплеменные карлуки и девятиплеменные татары... почтительно просили стать ханом» [16, с. 43–44]. Татары изначально были одним из активных исторических субъектов, участвовавших в формировании тюркского народа.

Вообще, с этнонимом (вплоть до новейшего времени) следует обращаться очень осторожно, поскольку этническое самосознание не совпадало с самоназванием. В древних источниках упоминаются различные названия племен, сменяющие друг друга, но на самом деле шла перетасовка одной и той же колоды, в которой доминировало то одно, то другое племя, или даже отличившийся выдающимися способностями вождь, чье имя и получал народ или же государство. Этнонимы «он-огуз» или «докуз-огуз» означают десять или девять племен. Этноним «уйгур» происходило от имени соответствующего рода, «карлук» – по названию местности.

В золотоордынский период можно наблюдать подобные же явления смены этнонима. Ногайцы получили самоназвание по имени бека Ногая. В некоторых источниках Улус Джучи в XIV в. называли «Узбеково государство», «Узбекский улус», «Узбекистан» [31, с. 175]. Фанатичные мусульмане Золотой Орды в XIV в. приняли новое имя – «узбеки» в честь хана Узбека. В

1428 г. Тюмень отошла от Орды, где хан Абуль-хайр и его улус стали называться «народ и улус узбекский». Их использовал Тимур в своей борьбе с Золотой Ордой. В самой Средней Азии в те времена под узбеками подразумевали кочевое население восточного «Дешт-и-Кипчака». Исфакхани об этом в начале XVI в. писал следующее: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно (из них) – шибани-ты... Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты...» [32, с. 47]. В узбекском союзе еще при жизни Абуль-хайра стало складываться ядро будущих казахов. Абдулразак Самарканди в 844 г. писал: «Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабежи, опять уходили [назад]» [10, с.381]. Порой в исторических летописях их называют узбеки-казахи. Сам Шейбан, сын Джучи по свидетельству его историка подразумевал под узбеками кочевые племена улуса Шейбана, а под казахами – кочевников улуса Орда-Ичена, которые в этническом отношении мало отличались друг от друга. Лишь в XVI в. внук Абуль-хайра Шейбани-хан покорил государство тимуридов, захватив Самарканд, Бухару и распространил имя «узбек» на среднеазиатских тюрок. Тогда и начинают складываться различия между татарами, узбеками и казахами.

Любой этноним переживает метаморфозы, порой настолько сложные, что трудно бывает отыскать его первоначальные корни. Кто скажет, откуда появился этноним «русские»? От варягов или славян? И почему имя собственное происходит от прилагательного, ведь другие народы не называются «татарские» или «французские», они – татары, французы...Тюркоязычные дунайские болгары создали самостоятельное государство и ослабились. А вот такой могучий народ как кипчаки, чей язык стал доминирующим, растворился в других этносах. Аль-Омари о «Дешт-и-Кипчак» пишет: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто одного рода» [10, с. 105]. Кипчакские корни можно найти среди татар, но точно также кипчаки лежат в основе казахов, узбеков,

ногайцев, башкир и даже русских (прежде всего казаков) [8, с.112]. Татары в отличие от кипчаков со временем не растворялись, а, наоборот, соединяли под своим крылом все большее количество племен.

Наиболее широкое распространение имя татары получило во времена Чингизхана. Сами же монголы отделяли себя от татар, они были правящей верхушкой, из них назначались полководцы и состояли отборные части войск. В силу этого татарами постепенно стали называть основную массу тюркоязычных воинов и население. Венгерский монах Юлиан, бывший свидетелем покорения Приуралья в 1236 г., сообщает: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения... Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами». То, что вначале было искусственным политонимом, впоследствии было подкреплено культурным и языковым единством. Этому в сильнейшей степени способствовало становление Золотой Орды как самостоятельного государства, чья культура была столь мощной, что она как водоворот затягивала в свою орбиту более слабые народы. Потребности торговли, общения, государственных дел сформировали койне на базе кипчакского диалекта. Франческо Пеголотти (1340 г.) в своей книге «Торговое дело» советует купцам, едущим по торговым делам в Золотую Орду, нанять переводчика, по меньшей мере, двух хороших слуг, которые хорошо бы знали куманский, т.е. кипчакский язык. «Codex Cumanicus» был составлен в 1303 г. в качестве пособия для венецианских купцов. Таким образом завершилось формирование средневековой общности «татары».

Любой народ является сложносоставным и зачастую связан многими нитями с другими этносами. Татар и чуваш объединяет наличие булгарской генетической линии. Башкир отделить от ногайцев сложно – после распада Золотой Орды башкиры управлялись ногайцами до 1570-х годов, в то же время в их формировании немалую роль сыграли отатарившиеся мадьяры. Плано Карпини даже отождествлял башкир с мадьярами: «башкиры – это великие венгры» («basgar didest Magna Hungaria»). Гийом де Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраня-

ло свой язык, который был понятен венграм [27, с. 122]. Знаменитые средневековые историки Джувейни и Рашид ад-Дин «башгирдами» называли венгров Восточной Европы. «Царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара [короля], провели лето на реке Тиса», – пишет Рашид-ад-Дин о покорении венгров и саксонцев [10, с. 259, 406, 408]. Но порой летописцы башкирами называли как венгров, так и тюркоязычные племена.

Татар и ногайцев стали считать разными народами только в советское время, но до сих пор в Центральной Азии татар продолжают именовать нугаями. В. Трепавлов пишет: «Носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтническую общность, а этим этнонимом называли представителей разных этносов. Ногаями именовали северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов *нугай* – это башкиры и поволжские татары; для башкир и казахов в прошлом *ногай* – сибирийские татары; для калмыков *иштигмангад* (т.е. иштяки-мангыты) – башкиры, а *уулунмангад* (горные мангыты) – балкарцы и карачаевцы и т.п.» [30, с. 650–651]. Сегодня мы не сомневаемся в различии ногайцев и татар, но в средние века их считали одним народом. В одной из русских книг тех лет записано: «Сам же [Мухаммед-Гирей] крымских татар не любити начат, но паче начат любити ногайских татар, их же бяше множество у него, и близь себя держаше их и яко доброхоты себе вменяя их» [30, с. 168]. Как видим, здесь ногайцы воспринимаются как татары, живущие в степях, т.е. на определенной специфической территории. Даже в XIX в. крымца-садовода и хлебопашца называли татаринном, а запорожского чабана – ногаем.

Тюркские народы скроены из близкородственных племен. Эпос «Идегей» начинается следующими словами:

*В стародавние времена,
Там, где была нугаев страна,
А предком Нугая был Татар,
Там, где стольный Сарай стоял,
Там, где вольный Идиль бежал,
Там, где город Булгар блистал,*

*Там, где текла Яика вода,
Там, где была Золотая Орда,
Там, где жили кыпчак и болгар, -
Ханствовал над страной татар
Хан по имени Токтамыш [12, с. 5].*

С распадом Золотой Орды и появлением многочисленных тюрко-татарских ханств территориальные различия становятся более выраженными. На базе Белой Орды формируются казахи, в Центральной Азии тюркский язык испытывает влияние фарси и появляется современный узбекский язык на базе чагатайского наречия, крымские татары долгое время находятся под протекторатом Османской империи, усваивая многие элементы турецкой (огузской) культуры, а другие этнические группы оказываются в ситуации относительной изоляции и развивают свои локальные особенности. Сегодня их называют азербайджанцами, кумыками, балкарами, карачаевцами и т.д.

В современную эпоху многие названия этнических групп происходили в зависимости от территории проживания. Тюрко-татары, которые жили в Сибири стали называться «сибирскими татарами», татары Крыма стали «крымскими татарами», в Астрахани – «астраханскими», те, кто жил на мешерской земле стали – «мишарями» и т.д. Естественные различия между этнографическими группами татар искусственно подогревались в царское время. Петр Столыпин был самым серьезным образом озабочен ростом влияния тюрков. В протоколе заседаний Особого совещания отмечено, что «15-миллионное мусульманское население России, относящееся по преимуществу к одному племени и говорящее хотя и на различных наречиях, но имеющих в своей основе один язык, переживает в настоящее время новый фазис своего развития, стремится к просвещению и, разрушая старый, создает новый быт, который угрожает культурной самобытности России» [20, с. 74]. Преосвященный Андрей заметил, что «в настоящее время Казань важнее Константинополя как центр культурной и издательской деятельности. Даже учебники, употребляемые в Туркестане, изданы в Казани в типографии бр. Каримовых» [20, с. 76]. Столыпин в отличие от современных филологов, отыскивавших десятки мнимых диалектов татарского языка, хорошо пони-

мал, что все тюрки имеют «в своей основе один язык». Он предлагал усилить имеющиеся у тюркского населения особенности в языке и культуре, разделив их таким образом на отдельные народы. В своем Представлении в Совет Министров он писал: «Татарским влиянием захватываются не только поволжские, приуральские и среднеазиатские полуоседлые и кочевые малокультурные народы, подвергающиеся татаризации, но и все оседлое население. Широкое содействие в этом отношении оказывают конфессиональные школы (мектебы и медресе), огромной сетью покрывающие все пространство, заселенное мусульманами. Руководимые татарским и отатаренным духовенством, а равно уже сформировавшимся кадром светских учителей, эти школы при крайне незначительном числе низших правительственных учебных заведений служат надежными проводниками мусульманской культуры и пантуранского духа» [25, с. 37]. Он угрозу увидел в эволюции мусульманского мира, его конкуренции с русской культурой, результатом чего стало отпадение христиан в мусульманство, нанесшее значительный ущерб православной церкви. Это отпадение «нанесло вместе с тем чувствительный удар достоинству национально-русского начала, склонив в Поволжье нравственный перевес в пользу татарско-мусульманской культуры», – утверждал Столыпин. Он предложил децентрализовать духовное управление мусульман, запретить преподавание в медресе русского языка и общеобразовательных предметов. Одновременно был изобретен термин пантюркизм, который благополучно просуществовал по сей день. В советское время продолжили эту политику разделения близкородственных тюркских народов на самостоятельные нации, законодательно закрепив литературные языки и предоставив административный статус.

Итак, в природе чистых этносов не бывает. Каждый народ несет в себе составные элементы многих племен и этносов. По мнению Садри Максуди, «все усилия, направленные на нахождение прямой этнической, родовой или племенной преемственности, этнической адекватности как между древними и средневековыми тюркскими племенами, так и между средневековыми и нынешними этническими тюркскими сообществами (народностями), бесплодны и никогда не дадут положительного результата» [18, с. 291]. Все существующие сегодня тюркские народы – своеобразный

сплав этих племен. Но по большому счету все они наследники общей культуры, опирающейся на поразительную устойчивость тюрко-татарских наречий. Из орхонских памятников видно, что тюркский язык мало изменился за эти столетия. Олжас Сулейменов определяет это явление как «феноменальный консерватизм тюркского слова и языка» [29, с. 109]. Устойчивость и близость тюркских наречий определяется тем, что они сложились как развитый язык уже в глубокой древности.

* * *

О татарах историки чаще писали как о диком кочевом народе. Вообще, кочевников в литературе трактуют как недоразвитую цивилизацию. На самом деле кочевничество – это особая цивилизация, не хуже и не лучше других, но имеющая свои преимущества. Кочевой мир позволяет передвигаться целым народам по большим пространствам и с большой скоростью даже по сегодняшним меркам. Так под влиянием гуннов, тюрков, затем татар оказывается громадная территория от Алтая до Восточной Европы, в которой формировалась ментальность тюркских народов и характер Евразии.

Само слово степь имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Оно не совпадает по смыслу с понятием суша. Степь, породив своеобразную кочевую цивилизацию, сделала возможным соединение Востока и Запада, благодаря чему появилась Евразия не как географическое название, а культурное понятие. Кочевые империи были способны объединить разные народы в единый союз.

Многие государства, включая русские княжества, строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не содействовал созданию империи. Разбросанные и мелкие княжества могли быть объединены только благодаря степи, где жили тюрки. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он, тем самым, подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овла-

девшее всей системой степи» [11, с. 7]. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степь, контролировал и города. Это и предопределило характер Евразии и возможность возникновения великих империй.

В мировом сознании со времени нашествия гуннов остался затаенный страх перед кочевниками, но особенно напугало Европу появление татар во главе с Бату-ханом. Этот страх оброс различными мифами о «жестокости» татаро-монгол. Предвзятость породила легенды о «диких татарах» и неведомой страшной «Тартарии». Папа Иннокентий IV в 1234 г. писал, что татары «посланники Сатаны и прислужники Тартаруса». Он объявил крестовый поход против них. С тех пор стало общим местом противопоставлять татар цивилизации. До последнего времени в католических храмах Европы в проповедях просили Господа спасти от татар – исчадий ада. Целый народ стал именем нарицательным, «татарщиной». Этот миф Лев Гумилев назвал «черной легендой» [8].

На самом деле, золотоордынская цивилизация не только была одной из самых развитых в Средние века, но и обладала рядом преимуществ по сравнению с римско-европейской моделью империи. «Мы исследуем способы, с помощью которых империи осуществляли «политику различия», – пишут Джейн Бурбанк и Фредерик Купер. – Подобная перспектива позволяет увидеть основное, но не всегда строго выраженное отличие между империями, склоняющимися к унификации и гомогенности («римский путь»), и империями, открыто предпочитающими разнородность, как фундамент имперского правления («евразийский путь»). Эти две модели никогда не были окончательно реализованы в чистом виде, но их применение в исследовательской практике позволяет осмыслить последствия различных стратегий имперского управления» [3, с. 61]. Империя Чингизхана отличалась веротерпимостью и не ломала культуру присоединенных народов. Персидский историк Джувейни писал: «Ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтит, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтением, так и христиан и идолопоклонников миловал. Дети и внуки его по несколько человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению... Хотя и принимают они [разные] веры, но от изуверства

удаляются, и не уклоняются от Чингизхановой ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать» [Цит. по: 4, с. 43]. Трудно представить себе, чтобы у какого-то европейского короля дети приняли бы ислам, или мусульманские шейхи вдруг стали христианами или буддистами. Ордынская терпимость предоставляла всем народам, религиям, культурам возможность развиваться свободно, придерживаться собственных законов и традиций [24], а низкие налоги делали экономику эффективной.

Ко всему следует добавить о средствах коммуникации, которые обеспечивали хорошее управление государством и развитие торговли. Персидский историк Мирхонд писал, что при Чингизхане «города и большие дороги стали свободны и открыты купцам всякого рода. Он хотел обеспечить их такой безопасностью и спокойствием, чтобы каждый в пределах его господства мог нести на голове своей золото без всякой опасности [быть ограбленным], так, как люди носят простые горшки» [4, с. 22]. Для эффективного управления была создана сеть почтовых станций (ямов), которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн-Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей...» [10, с. 208]. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались, и собиралась специальная дорожная пошлина. В особых случаях, когда известие или лицо должно было быть доставлено срочно, едущему выдавалась табличка с изображением сокола; каждая станция, как только услышит колокольчик скачущих, тотчас обязана была приготовить лошадей так, чтобы перепряжка могла быть незамедлительной. Обладающий такой таб-

личкой мог, в случае падежа лошади в пути, отобрать коней у любого встречного. Эти дороги великий хан приказал обсадить большими деревьями; в пустынных местностях дорога обозначалась столбиками, камнями и т.п. Для переправы через реки жители окрестных селений содержали паромы. В XIII–XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай. Сухопутные дороги соединялись с важнейшими портами на Черном море. Города Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Тана (Азов), в которых генуэзцы имели собственные кварталы, Пантекапеум (Керчь), Коп (Кубань), где обосновались венецианцы, были международными центрами торговли. Каффа, по словам Ибн-Батутта, чудная гавань, где он застал «до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира» [10, с. 126]. В те времена не было порта, сравнимого с Каффой по своим масштабам.

Для того чтобы понять историческую значимость этой системы нужно представить Европу того времени. Жак Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами... бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошрины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...» [6, с. 128–129]. В те времена Европа представляла жалкое зрелище по сравнению с почтовой службой Золотой Орды. В XIX в. эта система была разрушена и, например, Н.М. Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями.

Распад Золотой Орды говорит о кризисе татарской цивилизации, в которой наследственное право вступило в противоречие с задачами развития государства в меняющихся экономических условиях. Основными историческими конкурентами Орды выступили не столько русские, сколько европейцы, которые начали переходить к капиталистическим отношениям, причем благодаря торговле с Золотой Ордой. Фернан Бродель пишет: «Главное бо-

гатство Генуи заключалось в колониях, основанных ею далеко от Константинополя, на границах Византийской империи, в Каффе, Тане, Солдае и Трапезунде... Это были торговые фактории» [2, с. 466]. Речь идет о городах черноморского побережья, через которые вывозились многие товары с территории Золотой Орды, но главным экспортным товаром было зерно, прежде всего, пшеница, особенно ценная в Европе, где голод в те времена был обычным явлением. С конца XIII в. генуэзцы покупали также осетра и другую рыбу. Важной статьей торговли с итальянцами была соль. В XIV в. через Каффу шла торговля шелком, воском, кожей, мехами, хлопком, мастикой, металлом, полезными ископаемыми и рабами.

Города Черноморского побережья представляли собой своеобразные свободные экономические зоны Средневековья. В «Слове Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам» от 20 сентября 1358 г. записано: «Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдаю¹, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им не понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю» [7]. Генуя и Венеция — основные посредники в торговле с Европой и стали местом зарождения капитализма. К сожалению, в самой Золотой Орде политическая система не позволила перейти к новым экономическим отношениям.

¹ Порт Провато находился в непосредственной близости от Каффы (нынешней Феодосии) и назывался по-тюркски Янгишехр. Порт Калитра (нынешний Коктебель) находился в десяти километрах к юго-западу от Провато. Далее на юго-запад в 35–37 км от Калитры находился порт Солдая (нынешний Судак).

Золотая Орда оказалась под доминирующим влиянием ислама после объявления ее Узбек-ханом государственной религией, что стало тормозом для экономики. Шариат не позволял брать банковский процент, необходимый для концентрации капитала, ведения рискованных торговых операций и развития сельского хозяйства, зависящего от капризов погоды. Для Золотой Орды не были присущи те политические и идейные свободы, которые утвердились в Генуе и Венеции. К внутренним политическим распрям Золотой Орды, связанным с престолонаследием, добавилась Черная Смерть (чума), опустошившая города, через которые и шла основная торговля [14, с. 686–690]. Жак Ле Гофф пишет о ситуации в Европе, которая была характерна и для Золотой Орды: «Все чаще и чаще великим переломным моментом европейской истории ученые называют эпидемию бубонной чумы, разразившуюся в 1347–1348 гг.; после этого бедствия история начинает делиться на время «до чумы» и «после», на время процветания и время кризиса, время уверенности и время сомнений. Таким образом, эпидемия чумы является «временем большой протяженности»; игнорируя Ренессанс, чума влияет на демографическую, биологическую и психологическую историю Запада вплоть до 1720 г, когда в Марселе была зафиксирована последняя ее вспышка» [5, с. 33]. Можно назвать и другие причины распада Золотой Орды, но для нас важно отметить, что дальнейшее существование татарских ханств не сопровождалось модернизацией экономики. Наступил инерционный период некогда великой культуры.

Ивану III приписывают честь отделения от Орды, что не соответствует действительности. Он выступил против хана Большой Орды Ахмата, как самозванца, но вовсе не воевал с Золотой Ордой и не расшатывал ее устои. В.О. Ключевский пишет: «Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго» [15, с. 115]. Москва не только не воевала с Ордой, напротив, она была очарована идеей государственности чингизидов. В отличие от примитивных представлений, господствовавших в удельной Руси, ордынская государственная идея была грандиозной и притягательной. Н.С. Трубецкой пишет о русских княжествах как про-

винциях большого государства: «Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, *казна*, *казначей*, *деньга*, *алтын*, *таможня*), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго» [11, с.1 7–18]. Благодаря дружбе с Узбек-ханом Иван Калита получил особые права, а его наследники вместе с великим княжением закрепили право собирать дань с русских князей. Москва расцветала на глазах, поскольку все финансовые потоки были централизованы, а вместо татарской дани Москва от имени всех князей платила «выход». Сколько оставалось самой Москве один Бог знает. При больших деньгах волей-неволей задумаешься о державности. Хотя формально Россия появляется после присоединения татарских ханств, тем не менее, идеология зарождается в Москве, как неотъемлемой части Золотой Орды. Впоследствии сам факт тесной связи природы России с бывшими ханствами закрепляется в титулатуре монархов, а в российском гербе появляются три короны, символизирующие покоренные Казанское, Астраханское и Сибирское царства.

После распада Золотой Орды русская мысль обратилась к близким по вере византийским традициям, соединила ордынскую державность с православием, после чего татарские идеи приобрели совершенно новую, христианско-византийскую оболочку. Сегодня любят к месту и не к месту вспоминать Византию, но к тому времени «Царьград» в политическом отношении был совершенно дряхлым. Выдающийся историк В.Ф. Платонов пишет: «Наши предки долго и пристально наблюдали процесс медленного умирания Византии. Это наблюдение могло давать уроки отрицательного значения, а не вызывать на подражание, могло возбуждать отвращение, а не увлечение» [23, с. 189]. Весьма характерно, что в 1441 г. рязанский епископ Иона был «наречен во митрополиты» не константинопольской патриархией, а собором русских епископов. Таким образом, византийские традиции задолго до начала московской экспансии прервались полностью,

оставшись символическим воспоминанием. Напротив, золотоордынские государственные порядки были обыденностью. «Есть кое-какие указания на то, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов, – пишет Ричард Пайпс. – Хотя под церковным влиянием они иногда ссылались на византийский образец, они не называли себя преемниками византийских императоров... Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван называл их своей вотчиной; это утверждение могло значить лишь одно – что он смотрел на себя, как на наследника хана Золотой Орды» [21, с. 105–108]. Москва себя видела наследницей Орды, более того она звала на службу татар. При Василии, отце Грозного, с князем Глинским (потомком Мамая) выехала из Литвы целая «толпа», размещенная в Муромском уезде. В 1535 году в правление Елены Глинской, выехало на службу государя московского 300 семейств «литвы» с женами и детьми. Среди этой «литвы», скорее всего, большинство было татар, ибо Москва приглашала людей ратных, а в Великом княжестве Литовском военную службу несли ордынцы. Вместе с царевичем Касимом, бывшем при Василии Темном в казанском плену, выехал целый военный отряд, который был размещен в Городце на Оке, где возникло Касимовское ханство в составе Московского княжества. Иван Грозный приглашал многих мурз и раздавал земли в Московском, Боровском, Калужском и других уездах. Татарский фактор с падением Крымского ханства исчезает с международной арены, но во внутренних делах татары проявляют живейшую активность, особенно во времена Смуты. Это связано не только с Касимовским ханством, романовскими татарами, казаками, но также многими дворянами татарского происхождения, среди которых встречаются весьма примечательные политические фигуры, такие как, например, Семион Бикбулатович.

Российская историография, продолжая традиции европейских историков, формировала образ татар как жестоких дикарей, а золотоордынский период пыталась представить как случайный и несущественный. Такой поворот в умах начался с Петра I, перед которым стояла сугубо идеологическая задача выстраивания концепции происхождения Российской империи с запада на восток – с Киевской Руси. Вопреки евразийской природе России, ее

хотели переделать под римско-византийские традиции, объявить православной державой. Однако инициированная Петром христианизация мусульман привела к массовым протестам татар и башкир, расстроившим дела империи. Екатерина II была вынуждена издать указ о веротерпимости, отчасти вернувшись к традициям Чингизхана.

Петр очень хотел из русских сделать европейцев, но сами европейские историки исходили из того, что русские это вчерашние татары. «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими, – писал маркиз Астольф де Кюстин. – Ведь немногим более ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской эlegantности большинство этих выскочек цивилизации сохраняет медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщиться» [26, с. 536–537]. Антитатарская традиция в России приобрела довольно абсурдный русофобский оттенок. «Западничество» стало выражением этого направления. Как пишет Валерий Захаров, «первым русским русофобом, возненавидевшим Московскую Русь, стал Петр Великий. Для дворянства, подхватившего заразу, признаком *bonton*'а стало отречение от всего русского. Голоса славянофилов, восставших против дворянской русофобии, потонули в общем крике антирусской озлобленности; славянофилам была создана, как потом Достоевскому и Лескову, репутация ретроградов» [9, с. 166]. Ложная история формирует ложную политику, а значит и негативные стереотипы поведения, расшатывая устои государства. Общество раскалывается не только на «западничество» и «славянофильство», но и порождает ненависть к отдельным народам: полякам, евреям, татарам, кавказцам и другим. «И только в тяжелой атмосфере этого перерождения языка, – пишет Александр Салтыков, – являющегося лишь симптомом более глубокой болезни самой национальной души, могли у нас родиться, в конце XIX века, столь нелепые лозунги, как, например, «Россия – для русских». Сказать: Россия – для русских – это значит просто не понимать, что такое Россия. Ибо «Россия», как показывает сама грамматика, может быть только для «Россиян», а не как не для «русских». И действительно: «Россиянами» были

для наших предков и казанский татарин, и прибалтийские уроженцы – немец, эстонец, и латыш – и житель западных областей – поляк и «друг степей – калмык»» [27, с. 114]. В свое время Николай Бердяев – один из самых блестящих русских умов – написал, что Петр «изнасиловал женственную душу русского народа» [1, с. 490]. Это относится и к российской историографии, чьими усилиями целый народ стал именем нарицательным – «татарщиной».

Петровский большевизм в историографии, как это не покажется странным, не был поколеблен социалистической революцией. Конечно, в СССР вся история была подчинена теории классовой борьбы и доказательству неизбежности социализма, но то, что касается изучения татарских корней, они отвергались не только идеологически, но и с помощью административных решений. В частности, 9 августа 1944 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», запретившего изучения истории Золотой Орды, татарских ханств, популяризации эпоса «Идегей». Поразительно насколько важной представлялась фальсификация истории для советской политики. В самый разгар войны, задолго до взятия Берлина, в условиях напряжения всех сил и ресурсов в стране, руководство страны посчитало необходимым запретить изучение Золотой Орды. В глазах Сталина татарская история была столь же значима, как и победы на фронтах.

Татары тот редкий случай, когда сам этноним становится предметом идеологических сражений. С благословения Сталина советские историки переориентировались на так называемое болгарское происхождение современных татар. Не откладывая в долгий ящик, болгарскую концепцию «утвердили» в 1946 году на специально созванной всесоюзной конференции. Татарские историки в своей массе начали отрекаться от татарских корней, представляя Бату-хана разрушителем государственности болгар и русских, а некоторые активисты начали призывать переименовать татар в «болгар», а Татарстан – в Булгарию. К сожалению, до сих пор в научных трудах встречаются отголоски этой сталинской установки, особенно они популярны среди археологов Татарстана.

Рассматривать татар и болгар как разные народы мало имеет смысла. Само по себе покорение болгар татарами во главе с Бату-ханом не говорит о межэтнической войне. И татары, и болгары имели общие исторические корни, близкий разговорный язык и сходную культуру. Если болгар называют западными гуннами, то татар можно на том же основании назвать восточными гуннами. Война родственных народов друг с другом всегда было обычным делом. Для примера можно упомянуть междоусобные войны русских княжеств, которые занимались уничтожением друг друга, причем совершенно непонятно ради каких целей. «Гроза ханского гнева сдерживала забияк, – пишет В.О. Ключевский; – милостью, т.е. произволом, хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния» [15, с. 43]. В тюркской среде происходили войны за пастбища, ради контроля над торговыми путями, при строительстве государств: Тюркского каганата, Золотой Орды, империи Тимура, Османской империи.

Волжско-Камская Болгария оказала сильнейшее влияние на формирование не только современных татар, но и всего Поволжья, но для нас этнически и культурно она отстоит слишком далеко. Булгарские компонент татар, принятие ислама, первые сахабы, путешествие Ибн-Фадлана воспринимаются не в качестве реальной, а легендарной истории. Даже когда мы обращаемся к образу Великого Болгара, мы перед глазами имеем город, построенный Бату-ханом, как первую ставку Улуса Джучи. Собственно, о булгарских корнях вспомнили в XIX веке, когда появилось национальное (в европейском смысле) сознание. Когда Шигабутдину Марджани для написания цельной истории татар, понадобилось обосновать местные корни в исламе и создать собственную татарскую систему образования, именно тогда и становится актуальной булгарская тематика. Образ «Священного Болгара» выполнял символическую функцию – обращение к Болгару как истокам означал падение любых зарубежных исламских авторитетов. Вместе с тем именно исторические труды Марджани стали основой татарской

идеологии, что он откровенно выразил в крылатой фразе: «Кто же ты, если не татарин?» [19, с. 6].

Вместе с появлением капиталистических отношений татарский мир претерпел большие изменения. Капитализм, подкрепленный реформацией ислама, привел к коренным изменениям всей системы образования и просвещения. Новая волна начинается с «татарской Реформации» – джадидизма, о котором можно с полной уверенностью говорить как важнейшем повороте в судьбе татар. Становление татарского капитализма требовало подготовки кадров, интенсивных средств коммуникации, всеобщего образования и просвещения, иначе говоря, общество вступило в период трансформации татар в современную развитую нацию европейского типа. Богословские труды Курсави, исторические изыскания Марджани, новая модель медресе, предложенная Исмаилом Гаспринским стали детонатором изменения всей системы социальных отношений и преобразили татарский мир, который к началу XX века имел развитые социальные и политические структуры. Вместе с революцией татары уже претендовали на свою форму государственности в виде автономных республик в Поволжье и Крыму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Философия свободы. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 736 с.
2. Бродель Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. Бурбанк Джейн, Купер Фредерик. Траектории империи // *Ab Imperio*, 4/2007. 85 с.
4. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. Брюссель. 1939. 64 с.
5. Гофф Ж. Ле. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.
6. Гофф Жак Ле. Цивилизации средневекового Запада. М.: «Прогресс-Академия», 1992. 376 с.
7. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002.

8. Гумилев Л. «Черная легенда» (историко-психологический этюд). М.: Алгоритм. 2003. 352 с.
9. Захаров В. Извращение великорусской истории // Молодая гвардия, 1992, № 9.
10. Золотая Орда в источниках. Том 1. М.: Наука, 2003. 448 с.
11. И.Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
12. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татарское кн. изво, 1990. 256 с.
13. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 551 с.
14. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 1054 с.
15. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М.: Мысль, 1987. 447 с.
16. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
17. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
18. Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 412 с.
19. Марджани Шихабутдин. Извлечения вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ад-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. Казань: ФЭН, 2005. 255 с.
20. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков, 1998. № 3/4.
21. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. – 424 с.
22. Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар. Казань: «Идель-Пресс», «Слово», 2003. 288 с.
23. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: «Изд-во АСТ», 2004. 843 с.
24. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
25. Проект, не успевший стать законом // Гасырлар авазы. – Эхо веков. 2001. № 1/2.

26. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.
27. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., Географгиз, 1957. 270 с.
28. Салтыков Александр. Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Изд-во Милавида, 1922. 117 с.
29. Сулейменов Олжас. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: «АТАМУРА», 2002. 320 с.
30. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: «Восточная литература», 2001. 752 с.
31. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. М.: Фолиант, 2011. 251 с.
32. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Восточная литература, 1976. 106 с.
33. Хаким Рафаэль. Джадидизм. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. 207 с.

Сведения об авторе: Рафаэль Сибгатович Хакимов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

TheTatars: destiny of the ethnonym

Rafael Khakimov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Abstract: Historically, the correlation of the ethnic group and the ethnonym is ambiguous. Tracing the history of the ethnonym *Tatars*, it is necessary to take into account that the Tatar tribes changed the name itself as they always divided or merged as well they had alliances with other nations. Thus, a new name could depend on place location, a tribal chief, the most powerful tribe, etc. The Tatars became a nation possessing the traits they have nowadays, and which were formed in the period of the Golden Horde.

The Russian historiography was elaborated since Peter the Great, and it represented the Tatars in the least favorable light, although the fate of Russia as a state is directly connected with the Golden Horde and the Tatar Khanates. The Golden Horde civilization had its own features that influenced the particularities of the Eurasian culture. One of the achievements of this civilization was religious toleration that performed as the basis of the Slavic-Turkic-Finnish symbiosis of Eurasia. This feature identified the possibility of development of the Russian Empire. The prepossession to the Tatars has remained in the USSR ever since, particularly, it was prohibited to study the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates. Since then the Russian historiography has not been able to overcome the stereotypes about the Tatars.

The Tatar nation with its regional ethnographic groups was formed along with the development of capitalist relations. Along with capitalism in the Tatar world the reformation named *jadidism* (renovation). Based on new teaching techniques, the schools and medrese were opened, the own printing press (newspapers) was formed, and by the early twentieth century political parties were organized. The Tatars became a full-fledged nation due to the acquisition of statehood in the Republic of Tatarstan and the Republic of Crimea.

Keywords: the Tatars, ethnonym, ethnic group, Russia, Tatarstan, the Crimea.

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Filosofiya svobody*. Khar'kov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2002. 736 p.
2. Brodel' Fernan. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II*. Part I. Rol' sredi. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 496 p.
3. Burbank Dzheyn, Kuper Frederik. Traektorii imperii. *Ab Imperio*, 2007, no. 4. 85 p.
4. Vernadskiy G.V. *O sostave Velikoy Yasy Chingiz Khana*. Bryussel', 1939. 64 p.
5. Goff Zh. Le. *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo*. Moscow, Progress Publ., 2001. 440 p.
6. Goff Zhak Le. *Tsivilizatsii srednevekovogo Zapada*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.
7. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov KhIV veka iz Venetsii*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2002.

8. Gumilev L. «*Chernaya legenda*» (istoriko-psikhologicheskiiy etyud). Moscow, Algoritm Publ., 2003. 352 p.
9. Zakharov V. Izvrashchenie velikoruskoy istorii. *Molodaya gvardiya*, 1992, no 9.
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2003. 448 p.
11. I.R. Nasledie Chingiskhana. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka*. Berlin, Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1925. 60 p.
12. *Idegey. Tatarskiy narodnyy epos*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 256 p.
13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Vol. I. Narody stepnoy Evrazii v drevnosti*. Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2002. 551 p.
14. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2009. 1054 p.
15. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh*. Vol. II. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 447 p.
16. Klyashtornyy S.G. *Runicheskie pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya evraziyskikh stepey*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2010. 328 p.
17. Kyzlasov I.L. *Altaistika i arkheologiya*. Moscow, Institut tyurkologii Publ., 2011. 256 p.
18. Maksudi Sadri Arsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo*. Kazan, Fen Publ., 2002. 412 p.
19. Mardzhani Shikhabutdin. *Izvlecheniya vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad ad-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)*. Part I. Kazan, Fen Publ., 2005. 255 p.
20. P.A. Stolypin: napravit' «ser'eznye usiliya k presecheniyu natsional'no-tatarskogo natiska». *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1998, no 3/4.
21. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime*. Moscow, «Nezavisimaya gazeta» Publ., 1993. 424 p.
22. Parker E.Kh. *Tysyacha let iz istorii tatar*. Kazan, Idel'-Press Publ., Slovo Publ., 2003. 288 p.
23. Platonov S.F. *Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii*. Moscow, AST Publ., 2004. 843 p.
24. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordyy*. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p.
25. Proekt, ne uspevshiy stat' zakonom. *Gasyrlar avazy. – Ekho vekov*, 2001, no 1/2.

26. *Rossiya pervoy poloviny XIX v. glazami inostrantsev*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 719 s.
27. Rubruk G. *Puteshestvie v vostochnye strany*. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 270 p.
28. Saltykov Aleksandr. *Dve Rossii. Natsional'no-psikhologicheskie ocherki*. Myunkhen, Milavida Publ., 1922. 117 p.
29. Suleymenov Olzhas. *Tyurki v doistorii. O proiskhozhdenii drevnetyurkskikh yazykov i pis'mennostey*. Almaty, ATAMURA Publ., 2002. 320 p.
30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy ordy*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p.
31. Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii*. Moscow, Foliant Publ., 2011. 251 p.
32. Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-iy Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1976. 106 p.
33. Khakim Rafael'. *Dzhadidizm*. Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2010. 207 p.

About the author: Rafael Sibgatovich Khakimov – Doctor of historical sciences, Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Vice-President of AS RT, Academician of AS RT (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru